
«НАСТРОЕНИЕ 1914 ГОДА»: К ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЮ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ (РОССИЯ И ЗАПАД)

О.С. Поршнева

Кафедра истории России
Уральский государственный технический университет
ул. Мира, 19, Екатеринбург, Россия, 620002

В статье рассматриваются современные проблемы исследования общественных настроений, обусловленных вступлением европейских стран в Первую мировую войну. Показаны тенденции в переосмыслении историографической метафоры «настроение 1914 г.», особенности подходов российских историков к его изучению, некоторые достижения и перспективы дальнейшего исследования. Вопрос о восприятии войны населением рассматривается в контексте проблем национальной мобилизации общества в условиях тотальной войны.

Феномен Первой мировой войны невозможно понять без изучения ее с позиций культурной истории, рассматривающей все стороны человеческой деятельности в неразрывном единстве как процесс самореализации человека, создающего и поддерживающего свои ценности, мир своей деятельности, сознания и поведения. С этой точки зрения Первая мировая война была столкновением не только военных механизмов, технико-экономических и людских потенциалов, но и культурных миров втянутых в ее орбиту народов. Как показывают исследования последних десятилетий, сфокусированные на «культурном» измерении первой в истории тотальной войны, культурные стереотипы и ценности были действующими мотивациями не только индивидуального, но и группового, массового поведения людей, представлявших разные государства, участвовавшие в конфликте. Война, помимо ее прямого смысла, в не меньшей степени была войной идей и ценностей.

Изучение феномена тотальной войны в контексте анализа структур эпохи 1861—1945 гг. позволило, как показал С. Ферстер, выявить факторы, приведшие в современный период к разрушительной тотализации военных действий (1).

Первая мировая война, несмотря на ее «недостаточно тотальный» характер (2), продемонстрировала и стирание грани между военным и гражданским населением, и феномен мобилизации всех национальных ресурсов для ведения военных действий, и важность гражданского консенсуса по отношению к войне. Следует, на наш взгляд, согласиться с мнением С. Ферстера о том, что без прямой поддержки гражданского общества переход к этому распространенному типу войны, наложившему отпечаток на целую эпоху, был бы невозможен (3). Важнейшей составляющей феномена стала тотализация целей войны, обусловленная изменением образа врага в сознании граждан и их правительств. Исходящая от врага угроза стала представляться обществом и государством как основополагающая экзистенциальная опасность, поэтому враг должен был быть навсегда уничтожен (4). Исследование социальных и культурных процессов

в годы Первой мировой войны с позиций концепции тотальной войны позволяет изучить опыт реальной национальной мобилизации, составляющей которого было взаимодействие правительств и обществ в обосновании и поддержании легитимности войны как таковой. Последнее, в свою очередь, невозможно без детального изучения опыта 1914 г., когда культурные аспекты военного противоборства проявились с наибольшей силой.

Можно считать достаточно обоснованным тезис о том, что назревание европейского конфликта на рубеже XIX—XX вв. сопровождалось не только созданием предпосылок общественной поддержки правительств в случае войны, но и самой идеи войны. Они выражались в растущем влиянии на общественное сознание социал-дарвинистских и ницшеанских идей, биологической концепции нации, националистической пропаганды в европейских странах, и особенно в Германии. Война представлялась одним из эффективных средств национального, социального, политического и культурного развития и «освобождения» народов. Целый ряд авторов в своих исследованиях аргументированно показали широкое распространение воззрений, мотивировавших разнообразную подготовку европейцев к войне (5). Появление и распространение социального и расового дарвинизма давало идеологическое оправдание империализма, утверждая «естественный» характер борьбы за существование между нациями и расами, в итоге которой «лучшие» (европейские, белые, «арийские») элементы будут преобладать. Вера в необходимость и даже желательность войны как формы, в которой будет проходить международная борьба за выживание, была, по оценке Д. Джолла, чрезвычайно распространена и принята за истину в широких слоях общества (6).

По мнению основателя французской школы исследований Первой мировой войны П. Ренувена, в качестве самодовлеющего фактора внешнеполитического процесса выступала коллективная психология народов и правящих кругов, «коллективные страсти», национальные чувства, которые способны были психологически подвести народные массы и правительства к восприятию войны как единственного способа осуществления «национальных целей» (7).

В 1970—1990-е гг. в западной историографии широкое распространение получила метафора «настроение 1914 года» как образ, позволяющий охарактеризовать уровень общественной поддержки военных усилий правительств в условиях начавшейся войны (8). Обосновывался вывод о том, что оно охватило большинство воюющих стран, когда патриотический подъем, разгул националистических страстей и энтузиазм, связанный с вступлением в войну, сохранялись в течение первых ее месяцев. Д. Джолл, посвятивший этому феномену специальную главу в своем исследовании, утверждал, что настроение, с которым народы Европы приняли и в некоторых случаях даже приветствовали идею войны и временно забыли о своих социальных и политических разногласиях, не было лишь результатом того, что их правительства удачно обосновали свои политические решения. Оно основывалось на соединении национальных традиций и отношений, которые формировали взгляды о природе государства и его власти, усиливалось учебны-

ми программами в школах за последнее десятилетие и особенностью языка, на котором политики и журналисты обсуждали международные проблемы (9). «Настроение 1914 года», по мнению исследователя, может рассматриваться отчасти как продукт широко распространенного восстания против либеральных ценностей мира и рациональных решений всех проблем, которые разделялись многими людьми на протяжении большей части XIX в. (10). Неослабевающая международная напряженность и лихорадочная гонка вооружений также внесли свой вклад в создание настроения, в котором война была воспринята почти с облегчением.

Несомненным фактом, по мнению ряда авторов, можно считать то обстоятельство, что за короткий срок правительствам удалось убедить своих граждан, что они являются жертвами агрессии. Во всех странах война трактовалась официальной пропагандой и воспринималась значительными слоями общества как оборонительная, справедливая, направленная на отражение внешней агрессии. Обоснование войны базировалось на воплощенной мифологии политических режимов и «национальных ценностей». В Германии большую роль в легитимации войны играла идея «превентивной» войны, необходимой для предотвращения агрессивных замыслов и амбиций враждебных держав: Англии, Франции, России. Во Франции, Великобритании и США объявляли, что война ведется ради защиты идеалов свободы и демократии, за освобождение угнетенных народов Европы, против германского милитаризма, экспансионизма, гегемонизма, «тевтонского варварства», угрожающего европейской цивилизации. В России значимую роль играли идеи братской солидарности с Сербией, лозунги верности союзникам в отражении германской агрессии, защиты чести, достоинства, территориальной целостности России и ее положения среди великих держав (11). Большую роль в легитимации войны играло ее религиозное обоснование. Идея священной войны за христианские ценности использовалась обеими сторонами, но прежде всего ее эксплуатировали служители культа и правительственные деятели стран Антанты, пропагандировавшие «священную войну» против Германии. При этом образ противника максимально дегуманизировался и демонизировался (12).

Несмотря на достижение определенного понимания сути и характера представлений, обусловивших общественную поддержку правительств в условиях войны, в изучении восприятия европейцами начавшейся войны — «настроения 1914 года» и их поведения в условиях мобилизации выявляются все новые проблемы. Сущность и содержание самого феномена «настроения 1914 года» представляются сегодня недостаточно исследованными. Более детальное изучение опыта войны в ряде последних работ, прежде всего на уровне отдельных регионов, социальных, гендерных слоев и групп воюющих стран позволило скорректировать, а в ряде случаев поставить под сомнение выводы историографии предшествующих десятилетий. Нам представляется, что в этом нашло выражение общее изменение методологической ситуации, историографических приоритетов и ракурсов изучения проблемы, «подрывающее» господствующие в историографии выводы. В частности, в целом ряде работ конца 1990-х — начала 2000-х гг.

подвергается критике представление о всеобщем энтузиазме в связи с началом войны. Получили распространение такие термины, как «миф об энтузиазме», «миф о настроении 1914 года» (13), отражающие переосмысление господствовавших ранее стереотипов, основанных на широких обобщениях, не всегда подкрепленных эмпирическими данными. Проявился также общий сдвиг в понимании роли историографических образов как «мифов», конструирующих историописание.

Изменения в видении духовно-психологической атмосферы начала Первой мировой войны находят разнообразные проявления в исследованиях. Они выражаются во все большем внимании к изучению региональной, локальной и социальной специфики в восприятии войны, индивидуального сознания и поведения. Данную тенденцию можно проиллюстрировать на примере исследования военного опыта сельской Германии, проведенного на материалах Баварии Бенджамином Зиманном (14). Характерной чертой баварцев, составлявших 5% от всех германских солдат, призванных на военную службу в 1914—1918 гг., по утверждению автора, было отрицание агрессивного национализма (15). Почти нигде в сельской местности, отмечает Б. Зиманн, начало войны не приветствовалось с энтузиазмом. Баварские крестьяне, за исключением молодых неженатых парней, встретили объявление войны с ужасом, беспокойством, слезами (16). Автор обозначает целый ряд причин, обусловивших данную ментальную реакцию, обращает внимание на то обстоятельство, что Бавария не была затронута процессами модернизации сельского хозяйства, как другие регионы страны, а «жизненный мир и культура баварских крестьян были более традиционными по своему характеру» (17).

Делая более широкие обобщения о фронтовом опыте солдат-крестьян, составлявших около половины солдат Баварской армии и около трети солдат германской армии в целом (18), Зиманн пишет, что рациональные идеологические объяснения войны, подчеркивавшие роль государства, вооруженных сил, политики имели небольшой позитивный отклик в войсках. «Больше, чем воевать за что-либо, — пишет автор, — солдаты были склонны воевать в ожидании момента в обозримом будущем, который принесет им облегчение, хотя бы временное» (19). Опираясь на доступные источники, исследователь делает более широкие выводы об отношении к войне немецкого общества. В частности, он утверждает, что войну поддерживали, прежде всего, националистически настроенные слои среднего класса, участники молодежного движения и члены студенческих братств, в то время как огромное большинство рабочего класса было вне этого энтузиазма, и почти нигде в сельской местности начало войны не приветствовалось (20). Анализ сознания и поведения российского крестьянства в условиях войны, также относительно слабо втянутого в процессы модернизации сельского хозяйства, составлявшего при этом большинство солдат русской армии, позволяет проследить некоторые параллели в оценках крестьянского восприятия войны. Как и для большинства российских крестьян, для баварских крестьян, по данным Б. Зиманна, было характерно «отсутствие

представлений о национальных интересах государства в связи с войной, несклонность отождествлять их с интересами местными» (21).

Выводы, подрывающие стереотип представления о «настроении 1914 года» в Европе, содержатся в работе П. Корнера и Д. Прокасси (22). Она посвящена рассмотрению итальянского опыта массовой мобилизации в контексте взаимодействия государственных институтов и общества в военный и послевоенный периоды. Подчеркивая, что тотальная мобилизация потребовала нового качества взаимоотношений между государством и гражданским обществом, авторы показали невозможность его достижения в Италии. Социальная и региональная рознь, антиправительственные настроения значительной части населения, слабо выраженная национальная идентичность — все это было усилено, а не ослаблено войной. Решение о вступлении в войну, по оценке П. Корнера и Д. Прокасси, было навязано правительством стране без учета общественного мнения, по большей части враждебного этому шагу, представлявшего не только позицию рабочих и крестьян, но и значительной части среднего класса (23). Солдаты, как отмечают авторы, не были убеждены в необходимости войны и мало понимали, что такое «национальные цели» их страны в войне (24).

Обобщая данные новейших исследований об опыте участия западных государств в Первой мировой войне, Б. Дэвис приходит к выводу, что они бросают вызов сложившимся представлениям о природе и даже самом существовании единых национальных идентичностей в этих странах в годы войны, показывают, что попытка правительств создать таковые с помощью войны потерпела неудачу (25).

Не столь однозначно стали характеризоваться исследователями мотивы и чувства людей, участвовавших в патриотических акциях. Так, Д. Санборн подчеркивает значение праздничного компонента в патриотических демонстрациях, являвшихся своеобразными спектаклями, в стороне от которых оставаться никто не мог (26). Н. Фергюссон отмечает, что чувства людей, собиравшихся в толпах на улицах и площадях городов в связи с объявлением войны, нельзя квалифицировать определенно как «энтузиазм» и «эйфория»: здесь были и тревога, и паника, и даже религиозные переживания, связанные с ожиданием конца света (27). Применительно к Германии в целом военный энтузиазм в ряде новейших исследований сводится к короткому «опыту августа», который длился до сентябрьской катастрофы на Марне. Но даже в это время, по данным локальных проектов, целый коллаж сильных эмоций правил в Германии, включая здоровую долю паники, депрессии, подозрений и праздничного настроения, а в рабочих пригородах явно выражалась антипатия к войне, несмотря на провоенную позицию германских социал-демократов (28).

До сих пор остается недостаточно проясненным и вопрос о реакции российского общества на начавшуюся войну. Каким в России было «настроение 1914 года»? Современники событий в популярных статьях и брошюрах характеризовали отношение к войне всех слоев российского общества, включая рабочих, крестьян и солдат, как патриотическое, базировавшееся на любви к Родине, стремлении отстаивать ее независимость, понимании справедливого характера вой-

ны со стороны России и ее союзников (29). Война, по мнению Е. Трубецкого, С. Булгакова, Н. Бердяева (30), вызвала пробуждение русского национального самосознания, рост духовной мощи русского народа, сделав его носителем высоких нравственных начал, способных спасти и возродить Запад. Она выявила, по мнению этих авторов, высокий патриотизм русской души. «До настоящей войны мы, по-видимому, и сами не знали той любви к Родине, которая таилась в русской душе», — писал Е. Трубецкой (31). В рядах противников войны оценка позиций основных слоев российского общества была дана в трудах лидера большевиков В.И. Ленина, меньшевика-интернационалиста Н.Н. Суханова, эсера-интернационалиста И.З. Штейнберга и др. (32). В.И. Ленин сформулировал основные положения большевистской концепции Первой мировой войны, ставшие затем на долгие годы господствующими в советской историографии. Важную роль в ней играла оценка позиции различных классов российского общества по отношению к войне в контексте перспектив развития в России революционного кризиса. В.И. Ленин выделял четыре группы населения по их отношению к войне: класс помещиков и «верхи» торгово-промышленной буржуазии, «горячо поддерживавшие воинственную политику царского правительства» из соображений «громadных материальных выгод и привилегий от раздела турецкого и австрийского наследства» (33); широкие слои «средней» буржуазии, буржуазной интеллигенции, лиц свободных профессий и т.д., также «зараженных шовинизмом» (34); крестьянство, среди которого «правлящей клике удалось вызвать шовинистические настроения» (35); и, наконец, рабочий класс, оказавшийся, за исключением «самых темных слоев», «в общем и целом ... иммунизированным в отношении шовинизма» (36).

В 1930 — начале 1950-х гг. в советской историографии утвердился вывод об отрицательном отношении к войне не только рабочих, но и подавляющей части крестьянства. А.Б. Беркевич, опираясь на исследования волнений мобилизованных крестьян, писал: «Крестьянство в целом, за исключением кулацких слоев, встретило объявление империалистической войны резко отрицательно» (37). Такие оценки противоречили даже ленинским положениям о «шовинистических» настроениях крестьянства, обусловленных вступлением России в войну. В 1960—1970-е гг. в работах С.В. Тютюкина (38) содержался ряд важных в историографическом отношении оценок и выводов, свидетельствовавших о развитии исследовательских подходов советских историков к проблеме отношения к войне социальных и политических групп российского общества. Так, С.В. Тютюкин специально исследовал природу, социальную и психологическую базу патриотических настроений в рабочей среде. Помимо экономических и политических факторов, обуславливавших позицию рабочих по отношению к войне, он выделил социальные и психологические: возраст, семейное положение, уровень развития, темперамент (39). В качестве социального источника патриотизма рабочих С.В. Тютюкин называл деревню, рабочих, связанных с ней. Крестьянам и выходцам из их среды были свойственны, по его оценкам, наивный монархизм и патриархальная идея помощи «братьям-славянам», вера в «единую и неделимую», что делало их «добросовестными оборонцами» (40).

Эти замечания были ценны как более объективная оценка умонастроений рабочих и крестьян по сравнению с предшествующим периодом историографии.

В 1990-е гг. в российской историографии возобладало представление о том, что вступление страны в войну сопровождалось патриотическим подъемом во всех слоях общества, а сама война была воспринята как Отечественная (41). В последнее десятилетие наметилась тенденция более детального изучения отношения российского общества к войне, в том числе «настроения 1914 года». В литературе содержатся разноречивые оценки данного феномена, в том числе массовых беспорядков в среде призывников во время мобилизации в июле—августе 1914 г. (42). Наряду с изучением восприятия войны отдельными слоями и группами населения исследуются типы ментальных и поведенческих реакций, не зависящие от социального положения, дифференцирующие людей внутри каждой из этих групп (43). В связи с этим возникает ряд вопросов, от решения которых во многом зависит общее видение ряда дискуссионных проблем, касающихся процессов национальной мобилизации в России годы Первой мировой войны. Так, американский исследователь Д. Санборн связывает участие России в Первой мировой войне с ускорением процесса формирования российской нации (44). Война, по его мнению, рассматривалась в широких общественных слоях и различных регионах как общерусское дело и создала в России массово мобилизованное общество. Даже волнения призывников оцениваются автором как публично выражаемое несогласие с войной, проявление гражданской позиции, признак относительной зрелости русской нации, а не наоборот (45).

Рассмотрение тотальной мобилизации в контексте массовой политики и пропаганды в ряде работ зарубежных и отечественных исследователей показывает, что в этом отношении Россия, скорее, отличалась от западных государств, где данные институты были более развиты накануне войны. По оценке Р. Стайтса, правящая монархия в России в преддверии войны была не в состоянии осуществлять меры, направленные на патриотическую мобилизацию массового сознания и общественного мнения, а официальная пропаганда была недостаточно развита. Причинами этого были и опасения дать дополнительный импульс панславистским настроениям, распространявшимся с 70-х гг. XIX в.; и неудачный пропагандистский опыт «полицейского социализма»; и недоверие по отношению к «общественности», тем интеллектуальным силам, которые могли бы вести эту работу более эффективно (46). На слабость общенациональной консолидации в годы войны указал и исследователь русской патриотической культуры Ф. Ян Хубертус, который отмечал, что русские знали, против кого они воюют, но не знали, за кого и за что (47). О неразвитости национального начала в России в период войны писал в своем исследовании русской революции Р. Пайпс (48). Среди российских исследователей слабость официальной патриотической пропаганды, направленной на мобилизацию массового сознания, особо подчеркивает Е.С. Сенявская, которая характеризует ее как слишком абстрактную и непонятную для большинства населения, армейских низов, состоявших в основном из неграмотного или малограмотного крестьянства (49).

Специфика национальной мобилизации в России в условиях войны во многом была связана с особенностями формирования буржуазной нации на рубеже XIX—XX вв. На этот процесс влияли и догоняющий характер модернизации, и социокультурные особенности страны. Ценности и установки сознания крестьянства, составлявшего большинство населения, во многом противоречили как императивам буржуазной модернизации, так и представлениям политической элиты и цензовых слоев общества. «“Демократизм“ сельского общества, — справедливо отмечают Н.А. Иванова и В.П. Желтова, — хотя и черпал новые импульсы из современной жизни, в большей мере был обращен вглубь веков, нежели в идущее на смену традиционному гражданское общество. Он сочетался с сохранявшейся несвободой крестьян, с ограничением их прав, в том числе на землю. Сельское общество являлось одним из инструментов поддержания этой несвободы» (50). Исследователи отмечают, что на рубеже XIX—XX вв. царское правительство искало пути консолидации Империи, что теснейшим образом оказалось связано с обоснованием теории национального государства (51). Значение достижения такой консолидации многократно возросло в условиях надвигавшейся мировой войны, однако правящей верхушке так и не удалось сплотить расколотое общество.

В объяснении специфики восприятия войны российским обществом, преобладании патриотических, а не национальных ценностей следует, на наш взгляд, учитывать характеристику сущности феномена патриотизма. Так, О.Ю. Никонова отмечает, что «историками патриотизм часто интерпретируется как форма политического сознания, предшествовавшая национализму, ориентированная на государство (в его донациональной форме) или регион и связанная с традиционными ценностями» (52). Эта специфика ярко проявилась в отношении населения к мобилизации. Д. Санборн справедливо считает, что в России «мотив правого дела доминировал в реакции масс на мобилизацию и войну, резервисты и гражданские лица в одинаковой степени высказывали мнение, что все российские граждане должны нести одинаковое бремя и что царь и правительство должны делать все для армии» (53). Однако что же скрывалось за представлениями масс о воинской службе как всеобщей обязанности? В них, на наш взгляд, проявлялась специфика России, не учитываемая Д. Санборном, но находящая подтверждение в данных и выводах некоторых современных исследований. Д. Санборн объясняет данное отношение российского народа к мобилизации общими для общественного мнения всех стран — участниц конфликта, национальными по своей сути представлениями о равенстве граждан, а также о том, что «государства должны служить культурным сообществам, связанным с определенной территорией» (54). Применительно к России о таких представлениях можно говорить с определенной долей условности, так как они находились в стадии формирования, а сходное отношение к воинской повинности в среде «низов» имело иное, чисто крестьянское, происхождение. Данные петербургского исследователя С.Н. Тутолмина, изучавшего крестьянские жалобы периода войны, показывают, что определяющими в формировании восприятия воинской службы крестьянами были мирские традиции и, прежде всего,

традиции уравнительности, в соответствии с которыми мобилизация рассматривалась как всеобщая мирская повинность, не допускающая никакого, даже легального, уклонения (55).

Для дальнейшего изучения восприятия российским обществом вступления страны в войну важным представляется учет пространственно-территориального фактора, различающего социокультурные миры города и деревни. Его адекватное осмысление невозможно без учета культурной специфики сельского и городского населения. Важным и интересным представляется изучение реакции городского населения на вступление в войну и его опыт в условиях тыловой повседневности. Именно в городе наиболее ярко проявились новые тенденции во взаимоотношениях государства и общества, обозначившиеся в России во второй половине XIX — начале XX в., свидетельствовавшие о постепенном становлении гражданского общества. Особенности изучения городского социума связаны с его размерами, неоднородным составом населения, сложностью культурной специфики, что необходимо учитывать при проведении исследований. Для понимания характера восприятия войны различными слоями городского населения важно выявить проблемные поля военного дискурса, их соотношение и роль в интересующей коммуникации, изучить формы и проявления поддержки или отрицания горожанами мобилизационных усилий государства. Данные о степени вовлеченности населения в военные усилия, характере общественной инициативы, деятельности различных добровольных обществ, благотворительных организаций также должны использоваться при изучении общественных настроений в отношении войны. В городской среде проявился в значительно большей степени по сравнению с сельским миром плюрализм позиций и моделей поведения в условиях войны, что также должно стать предметом пристального исследовательского внимания.

Важность регионального фактора российской истории, интерес современной историографии к особенному, индивидуальному и уникальному делают особенно актуальным проведение региональных и локальных исследований. На базе реализации локальных проектов, детализации и индивидуализации исследовательских объектов можно воссоздать картину общественных представлений во всей их полноте и многообразии, продвинуться на пути понимания общего и особенного, типичного и уникального в «настроении 1914 года» в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: *Ферстер С.* Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861—1945 гг. // Опыт мировых войн в истории России: Сб. ст. — Челябинск, 2007. — С. 12—27.
- (2) Д. Байрау обращает внимание на то, что в историографии, посвященной развитию концепции и практики тотальной войны, Первая мировая война характеризуется как «недостаточно тотальная»: см.: *Байрау Д.* Понятие и опыт тотальной войны (на примере Советского Союза) // Опыт мировых войн в истории России. — С. 28.
- (3) *Ферстер С.* Указ. соч. — С. 25.
- (4) Там же. — С. 14.

- (5) *Davis Belinda*. Experience, Identity, and Memory: The Legacy of World War I // *The Journal of Modern History*. — 2003. — Vol. 75. — N 1. — P. 123; *Jelavich, Peter*. German culture in the Great War // *European culture in the Great War*. — Cambridge, 1999. — P. 43; *Vejas Gabriel Liulevicius*. War Land on the Eastern Front. Culture, National Identity, and German Occupation in World War I. — Cambridge: University Press, 2000. — P. 23—24; *Horne John, Kramer Alan*. German «Atrocities» and Franco-German Opinion, 1914: The Evidence of German Soldiers' Diaries // *The Journal of Modern History*. — 1994. — Vol. 66. — P. 14.
- (6) *Joll, James*. The Origins of the First World War. — London, New York, 1984. — P. 186.
- (7) Э. Урибес Санчес. Современная французская историография Первой мировой войны (методология и проблематика) // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. — М., 1994. — С. 38.
- (8) *Leed Eric J.* No Man's Land. Combat and Identity in World War I. — Cambridge: Cambridge University press, 1979. — P. 59—62; *Joll, James*. The Origins of the First World War. — London, New York, 1984. — P. 182; *Modris Eksteins*. Rites of Spring. The Great War and the Birth of the Modern Age. — London, New York, Toronto, Sydney, Auckland, 1989. — P. 56—63; *Ferguson, Niall*. The Pity of War. — London, Allen Lane, 1998. — P. 176.
- (9) *Joll, James*. The Origins of the First World War. — P. 171.
- (10) *Joll, James*. The Origins of the First World War. — P. 184.
- (11) *Jelavich, Peter*. German culture in the Great War // *European culture in the Great War*. — Cambridge, 1999. — P. 32—34; *Modris Eksteins*. Rites of Spring. The Great War and the Birth of the Modern Age. — London, New York, Toronto, Sydney, Auckland, 1989. — P. 92; *Marquis A.G.* Words as Weapons: Propaganda in Britain and Germany During the First World War // *Journal of Contemporary History*. — 1978. — Vol. 13. — № 3. — P. 488—490; Царские слова к русскому народу. Высочайшие манифесты об объявлении войны с Германией и Австро-Венгрией. — Пг., 1914. — С. 1.
- (12) См., например: *Ferguson, Niall*. The Pity of War. — P. 207—209.
- (13) Там же. — С. 177—178.
- (14) *Ziemann, Benjamin*. War Experiences in Rural Germany. 1914—1923. — Oxford. New York, 2007.
- (15) Там же. — С. 4—5.
- (16) *Ziemann, Benjamin*. War Experiences in Rural Germany. 1914—1923. — Oxford. New York, 2007. — С. 19—23. Это совпадает с нашими оценками первоначальной реакции российских крестьян на объявление войны, в том числе с выделением возрастной категории молодых парней с их особым восприятием войны: см.: *Поршинева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. — М., 2004. — С. 88—90, 179.
- (17) *Ziemann, Benjamin*. War Experiences in Rural Germany. 1914—1923. — Oxford. New York, 2007. — С. 4.
- (18) Там же. — С. 3.
- (19) Там же. — С. 271.
- (20) Там же. — С. 17—19.
- (21) *Ziemann, Benjamin*. War Experiences in Rural Germany. 1914—1923. — Oxford. New York, 2007. — P. 19.
- (22) *Corner P., Procacci G.* The Italian experience of «total» mobilization 1915—1920 // *State, Society and Mobilization in Europe during the First World War* / Edited by John Horne. — Cambridge, 1997. — P. 223—240.
- (23) Там же. — С. 225.
- (24) Там же. — С. 229.

- (25) *Davis Belinda*. Experience, Identity, and Memory: The Legacy of World War I. — P. 120. Этот вывод, на наш взгляд, требует дальнейшего обоснования с учетом логики становления наций и национальных идентичностей, когда в процессе образования и развития наций происходит постоянный процесс эволюции моделей национальной идентичности под влиянием взаимодействия национальных и социальных факторов.
- (26) *Санборн Д.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquiuma). — СПб., 1999. — С. 206.
- (27) *Ferguson, Niall*. The Pity of War. — P. 177.
- (28) *Davis Belinda*. Experience, Identity, and Memory: The Legacy of World War I. — P. 124.
- (29) См.: Отечественная война 1914 г. Начало войны. Общественное воодушевление. — М., 1915. — Т. 1; Русская литература о войне, 1914 г. — М., 1915. — Т. 1; *Чижиков Л.А.* Краткий словарь войны. — Одесса, 1914, 1915; *Пороховицков А.А.* Мировая война — мировой перелом. Радостные вести из сердца святой Руси. — М., 1915. — Вып. 4.; Вопросы мировой войны. Сб. ст. — Пг., 1915; Чего ждет Россия от войны. Сб. ст. — Пг., 1915; Европа и война. Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию. — М., 1916—1917. — Т. 1; *Архинов Н.А.* Крестьяне, рабочие и война. — М., 1917; и др.
- (30) *Трубецкой Е.Н.* Отечественная война и ее духовный смысл. Публичная лекция (Серия «Война и культура»). — М., 1915; *Булгаков С.* Война и русское самосознание. Публичная лекция (Серия «Война и культура»). — М., 1915; *Бердяев Н.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. — М., 1990.
- (31) *Трубецкой Е.Н.* Указ. соч. — С. 7.
- (32) См.: *Ленин В.И.* Что доказал суд над РСДР фракцией? // Полн. собр. соч. — Т. 26. — С. 168—176; Социализм и война // Там же. — С. 307—350 и др.; *Суханов Н.Н.* Наши левые группы и война. — Пг., 1915; Он же. Почему мы воюем? — Пг., 1916; *Штейнберг И.З.* Почему мы против Брестского мира. — М., 1918; Он же. От февраля по октябрь 1917 г. — Берлин-Милан, 1919; *Коллонтай А.М.* Кому нужна война. — Пг., 1917; и др.
- (33) *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т. 26. — С. 329.
- (34) Там же. — С. 330.
- (35) Там же.
- (36) Там же. — С. 331.
- (37) *Беркевич А.Б.* Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. — 1947. — Т. 23. — С. 3—43.
- (38) *Тютюкин С.В.* Война, мир, революция. Идеиная борьба в рабочем движении России 1914—1917 гг. — М., 1972; Он же. К вопросу о революционном шовинизме в годы первой мировой войны // Первая мировая война. 1914—1918 гг. — М., 1968. — С. 254—268; и др.
- (39) *Тютюкин С.В.* Война, мир, революция. — С. 80.
- (40) Там же. — С. 85.
- (41) См.: Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в. «Круглый стол» // Новая и новейшая история. — 1994. — № 4—5; Первая мировая война: Пролог XX века. — М., 1998; Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquiuma). — СПб., 1999; *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. — М., 1999.
- (42) См.: *Санборн Д.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему. — С. 203—206; *Посадский А.В.* Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (На материалах Саратовской губернии). — Саратов, 2002; *Асташов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах первой мировой войны // Отечественная история. — 2003. — № 2; *Тутолмин С.Н.* Первая мировая война в кре-

- стьянских жалобах и прошениях. 1914—1917 гг. // *Нестор*. — 2003. — № 6. — С. 390—401; *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. — С. 27—29, 91—94, 134—135; и др.
- (43) *Санборн Д.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему — С. 205—210.
- (44) *Sanborn J.* Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905—1925. — Dekalb, 2003; *Санборн Д.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему.
- (45) *Санборн Д. Д.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему. — С. 210, 213.
- (46) *Stites R.* Days and nights in wartime Russia: cultural life, 1914—1917 // *European culture in the Great War*. — Cambridge, 1999. — P. 9.
- (47) *Hubertus Jahn, F.* Patriotic culture in Russia during World War I. — Washington, D.C. 1991. — P. 212.
- (48) *Пайнс Р.* Русская революция. — М., 1994. — Ч. 1. — С. 230.
- (49) *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. — М., 2006. — С. 65.
- (50) *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословно-классовая структура России в конце XIX — начале XX века. — М., 2004. — С. 164.
- (51) См.: *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.). — М., 2004. — С. 5.
- (52) *Никонова О.Ю.* Военное прошлое России и советский патриотизм: к постановке проблемы // *Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии*. Сб. ст. — Челябинск, 2004. — С. 490.
- (53) *Санборн Д.Д.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему. — С. 212.
- (54) Там же.
- (55) *Тутолмин С.Н.* Первая мировая война в крестьянских жалобах и прошениях. 1914—1917 гг. // *Нестор*. — 2003. — № 6. — С. 401.

«THE MOOD OF 1914»: TOWARDS RE-EXAMINATION OF THE HISTORIOGRAPHICAL METAPHOR (RUSSIA AND THE WEST)

O.S. Porshneva

Department of Russian History
Ural State Technical University — UPI
Mira Str., 19, Ekaterinburg, Russia, 620002

The article deals with the problem of modern historiography explanation of «the mood of 1914». The author studies the main tendencies of the re-examination of this metaphor, the peculiarities of Russian historiography explanatory models, perspectives of further research. The phenomenon regards as a vital dimension of national mobilization in belligerent countries.